

Теперь многие считают, что Высоцкий – наше национальное достояние и им должно заниматься государство

«Ситуация действительно была катастрофической. Когда я возглавил музей, Туманов дал мне грузовые машины и мы вывезли 20 десятитонных кузовов бытового мусора отсюда! Пищевые отходы, бумага, сломанная мебель и прочее. Здесь была помойка».

Никита ВЫСОЦКИЙ

Зритель

Моск. Новости - 2003. - 27
янв - с. 27

I юбилей

Премию имени Высоцкого будут вручать в бывшем зале партсъездов

Есть некоторая странность и даже парадоксальность в том, что 65-летие со дня рождения Владимира Высоцкого отметят в Государственном Кремлевском дворце, в зале, где при жизни он никогда не выступал и вряд ли мог выступить. Именно там состоится церемония вручения премии «Своя колея». Накануне события один из основных организаторов мероприятия, младший сын Владимира Семёновича Никита ВЫСОЦКИЙ, дал интервью «МН». Диалог происходил в директорском кабинете Никиты Владимировича, седьмой год возглавляющего музей своего отца.

– «Свую колею» вручают в шестой раз. Учреждение этой премии оправдано себя? В чем сегодня ее суть?

– Ежегодно трех лауреатов избирает жюри, почетным председателем которого является Нина Максимовна Высоцкая. Материальных благ эта награда не несет, да мы и не ставили задачу осчастливить людей еще одной премией, коих сегодня масса. Это скорее дань уважения тем, кому отец, будь он жив, мог бы сегодня посвятить свои песни. Как посвящали их когда-то Енгизарову, Яшину, Туманову, Золотухину, Шемякину, Любимову.

– Вы уверены, что если бы 65-летие вашего отца отмечалось при его жизни, он праздновал бы его именно в ГКД?

– Я вам так скажу. Дирекция Кремлевского дворца неоднократно предлагала мне устроить подобный вечер в стенах этого зала. Я отказывался. Был готов к отказу и на сей раз, поскольку размышлял в русле вашего вопроса. И вдруг один человек привел убедительный для меня аргумент. Он сказал: «А если бы я в свое время позвал Володю выступить на правительственный концерте по случаю XXV съезда КПСС, думаешь, он бы не пришел?» Я представил такой момент и понял, что отец бы пришел. Не затем, чтобы отхлестать там всех по щекам или с каким-то шкурным интересом: медаль, звание и прочее. Просто он был артистом, который выступает для тех, кто хочет его видеть и слышать. Затем я убедился, что так же считают и те, кто близко знал отца, после чего согласился на вечер в ГКД.

– Легко сегодня находить деньги «под Высоцкого»?

– Нет. Во-первых, теперь многие считают, что Высоцкий – наше национальное достояние и им должно заниматься государство. Во-вторых, коммерсанты просто неохотно расстаются сейчас с деньгами, и часть из них предпочитает ограничиваться, что называется, понтами: «Да, на Семёновича, конечно, дадим, поможем...» и т.п. А действий – ноль.

«СВОЯ КОЛЕЯ» ПРИВОДИТ В КРЕМЛЬ

Автопортрет Владимира Высоцкого (публикуется впервые)

Музей восстановлен в основном на средства Министерства культуры. Когда нам выделили это здание, оно практическишло под снос. Дом был изношен на 80 процентов.

– Вам приходилось слышать от родственников или друзей Владимира Семёновича упреки в чрезмерной активности типа: «Куда ты лезешь, что ты об отце знаешь? Молодой ведь совсем был...»?

– Да я особенно никуда не лез, пока сюда (в музей. – Ред.) не пришел. В молодости, напротив, придерживалась позиции, что у меня своя жизнь, карьера, имя, взгляды. Скажем, я люблю Таганку, но мне всегда хотелось заниматься другим театром. Когда со мной пытались говорить об отце, я сразу отсыпал к его друзьям, коллегам. К сожалению, в это время творились, открывенно говоря, безобразия вокруг его имени, наследия, вокруг музея, в вопросе об авторских правах. Высоцкого стали не то чтобы растаскивать, он как бы сделался ничтим, бесхозным. Появилось огромное количество не только его псевдодрузей, но прежде всего людей, распространявших натуралистическую ересь, публиковавших неточности и оскорбительные вещи как в его адрес, так и в адрес его близких. Когда ситуация окончательно «дозрела», гиля дошла до пола, я решил вмешаться. Мне тоже порекомендовали самостоятельно никуда не соваться, а заручиться сначала поддержкой видных деятелей культуры. Я пошел к тем

Никита Владимирович рядом с фамильными реликвиями

из них, кто хорошо знал отца. Потом написал письмо к руководству города с просьбой вмешаться в ситуацию вокруг музея и попросил подписать его Булат Окуджаву. Он сказал: «Никита, если вы сделаете так, что в этот дом не будут бояться приходить приличные люди, я вам все подпишу». И вот, когда я принял исправлять положение дел, меня начали спрашивать: «Ты кто такой?». Мне стали присыпывать письма: мол, он с вашей семьей и не жив, чего ты для себя хочешь, – примазываешься? Сам не состоялся как актер, так пытаешься на отцовском имени вылезти и т.д. Многие сильно рассердились и до сих пор не простят мне этого вмешательства. Но ситуация действительно была катастрофической. Когда я возглавил музей, Туманов дал мне грузовые машины и мы вывезли 20 десятитонных кузовов бытового мусора отсюда! Пищевые отходы, бумага, сломанная мебель и прочее. Здесь была помойка.

– Многих пришлось уволить или некоторые сами от вас ушли?

– И уходили, и увольняли. Некоторые просто не выдерживали требований. Они называли себя научными специалистами, музыкальными работниками, но не являлись таковыми. Были просто поклонниками Высоцкого. Другим не понравилось, что я запретил пить на работе, врать отцовские записи на полную громкость и приглашать сюда его фан-клуб. Обижался народ: «Вот Вася приехал оттуда-то, Петя оттуда-то. Мы тут всегда сидели, выпивали за

Семёновича, а этот пришел и не разрешает...»

– Из множества книг, написанных о Владимире Высоцком, особняком стоит «Хроника смертного часа». Как вы ее восприняли?

– Автор же «Хроники...» опрашивал людей, общавшихся с отцом, вскоре после его смерти. Рассказывая, они понимали, что делают это для книги, и подспудно редактировали реальность. То есть по большому счету эта книга лживая. Исследователям трудно будет выудить из нее истину. Правда, у автора «Хроники...» осталось очень много кассет с записями свидетелей тех дней, он же использовал лишь малую часть фактуры. Если он передаст эти кассеты в музей, возможно, позднее по ним восстановят полноту картины. У меня на самом деле сложилось свое представление о том, как все происходило летом 80-го. Но если сегодня я это озвучу, история закрутится с такой силой! Появится еще десяток версий и масса оскорблений. Главное – забрызгают не меня, а его имя, память о нем.

– То есть вопрос «Кто виноват?» в истории со смертью вашего отца присутствует?

– Разумеется. Всем и так понятно, что, если бы все было хорошо, человек с его возможностями мог бы вылечиться. Но пока рано воротить не столь далекое прошлое. Настоящая правда откроется лет через тридцать...

Беседу вел
Михаил МАРГОЛИС